

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

БѢГЛЫЕ ОЧЕРКИ.

If there's a hole in a'your coats,
I rede ye tent it,
A chiel's amang you takin notes,
An faith he'll print it.

Burns.

Это отдѣленіе моихъ Воспоминаній заключаетъ въ себѣ, какъ изображеніе фizioномій представляемыхъ личностей — одни легкія очертанія контуровъ *en taille douce*, а какъ изображенія событій — одни лишь выдающіяся подробности, мало кому, а, быть можетъ, и никому, кромѣ меня, не извѣстныя. Тѣмъ не менѣе, я счелъ небезполезнымъ собрать ихъ и помѣстить въ числѣ другихъ моихъ Записокъ. Кому не извѣстно, что очень часто важныя событія возникаютъ отъ ничтожныхъ, безслѣдно проходящихъ обстоятельствъ и случайностей. Если эти кажущіяся мелочи не будутъ въ свое время замѣчены и записаны, то они будутъ потеряны для потомства и составляемые въ послѣдствіи исторіи должны ограничиваться одними значительными событіями, первоначальныя причины которыхъ остаются неизвѣстными и даже необъяснимыми, какъ дѣло слѣпаго случая, тогда какъ онъ ни въ чемъ (а особенно въ исторіи человѣчества) не можетъ имѣть мѣста. Въ ней существуетъ естественная, роковая связь между фактами, непрерывная филияція послѣдствій отъ причинъ.

I.

Герцогъ Уеллнтонъ, маркизь де-Дуро, князь Витторія ¹⁾).

Для сужденія объ истинномъ, практическомъ, такъ сказать, достоинствѣ и событій и человѣческихъ дѣяній, вѣрнѣйшимъ указаніемъ кажется намъ то, которое заключается въ извѣстной поговоркѣ: „конецъ дѣло вѣнчаетъ.“ Еще римскій баснописецъ Федръ сказалъ: „одно лишь полезное можетъ составлять истинную славу“. Если эти указанія примѣнить къ главнѣйшимъ историческимъ событіямъ и историческимъ дѣятелямъ нашего столѣтія, то первенствующимъ полководцемъ этой эпохи должно признать не Наполеона I, такъ грустно окончившаго свой кровавый комето-подобный циклъ,—а того, кто постоянно побѣждалъ его арміи въ Испаніи и окончательно рѣшилъ судьбу великаго завоевателя на равнинахъ Ватерлоо. Человѣчество много обязано тому, кто положилъ конецъ такому губительному феномену, какимъ было поприще Наполеона. По исчисленію Фламмаріона, основанному на несомнѣнныхъ данныхъ, отъ войны первой французской имперіи погибло: французовъ 2,600,000, людей другихъ народностей 3,500,000, итого шесть милліоновъ сто тысячъ чело-вѣкъ и все это по инициативѣ одного чело-вѣка, на пользу его личныхъ властолюбивыхъ интересовъ. А отъ такой страшной убыли, въ краткій періодъ 15-ти лѣтъ, для потомства не осталось другихъ слѣдовъ, кромѣ могилъ.

Подробное жизнеописаніе лорда Уеллнтона—дѣло исторіи. Поприще его составляютъ два фазиса: военный и гражданскій. Театромъ первыхъ его подвиговъ была восточная Индія, гдѣ имъ упрочено и значительно расширено владычество Великобританіи; затѣмъ онъ воевалъ въ Испаніи, въ пользу законнаго короля, тронъ котораго Наполеонъ предназначалъ брату своему Іосифу Бонапарте, и, наконецъ, въ кампанію 1815 года, когда герцогъ былъ генералиссимусомъ армій союзныхъ державъ. Послѣ этого, Уеллнтонъ былъ одновременно

¹⁾ Уеллнтонъ — такъ выговаривается, слѣдовательно, такъ должна и писаться по русски эта фамилія, которую обыкновенно пишутъ Веллнтонъ.

Сэръ Артуру Кауле Уельслеj (Cowley Wellesley) за военные подвиги даны слѣдующіе титулы, въ такомъ хронологическомъ порядкѣ: Артуръ Кауле баронъ Дуро (Douro) Уельсле, випе-графъ (Viscount) Уеллнтонъ Талавера (Talavera), маркизь Виміеира (Vimieira, 1809);—маркизь Уельсле 1812;—князь Сіудадъ Родриго (Ciudad Rodrigo), князь Витторія (Vittoria) 1813—герцогъ Уеллнтонъ, маркизь Дуро, 1814—герцогъ Ватерлоо 1815.

первымъ министромъ, главой кабинета партіи торисовъ (консерваторовъ), къ которой всегда принадлежалъ и изъ которой составленъ также и теперешній кабинетъ, предводительствуемый Д'Израэли. До своей кончины герцогъ оставался главнокомандующимъ англійскими арміями, каковое званіе объемлетъ въ себѣ и санъ военнаго министра.

Въ отечествѣ его называли не иначе какъ просто герцогомъ (the Duke), а къ этому названію, по его энергіи и въ военной и въ политической дѣятельности, прибавили прилагательное желѣзнаго (the iron Duke). Въ подтвержденіе этого прилагательнаго приводили много примѣровъ. Вотъ два изъ нихъ.

Въ одинъ изъ періодовъ его министерства, вслѣдствіе внесеннаго имъ въ парламентъ какого то непопулярнаго билля, недовольная чернь выбила камнями нѣсколько оконъ въ его дворцѣ въ Лондонѣ. Герцогъ велѣлъ, не вставляя новыхъ стеколъ, затворить окна герметически ставнями снаружи. Они такъ и оставались во всю его жизнь, на вѣчное воспоминаніе о случившемся и въ упрекъ неразумной толпѣ. Отъ значительной части лондонскаго населенія нѣсколько разъ подаваемы были адреса объ отмѣнѣ этого распоряженія, но желѣзный герцогъ остался неумолимымъ.

Онъ былъ отъявленный противникъ эманципаціи ирландскихъ католиковъ и, по его вліянію, возобновляемый О'Коннелемъ въ каждое засѣданіе парламента билль объ этой эманципаціи нѣсколько разъ былъ отвергаемъ. Но въ этомъ случаѣ желѣзо герцога столкнулось съ закаленною сталью. О'Коннель побѣдилъ непобѣдимаго. Билль наконецъ былъ принятъ; католики уравнены въ политическихъ правахъ съ членами господствующей въ Англіи церкви, вслѣдствіе чего герцогъ оставилъ министерство.

Въ самомъ началѣ царствованія императора Николая, Уеллинтонъ посѣтилъ Петербургъ въ первый разъ. Онъ былъ принятъ съ большими почестями. Его помѣстили въ такъ называемомъ Шепелевскомъ дворцѣ. По званію Россійскаго фельдмаршала, былъ у него внутренній караулъ и у входа двое часовыхъ.

Первое его представленіе государю ознаменовалось истинно-британскою эксцентричностью. Герцогъ явился въ генеральскомъ Россійскомъ мундирѣ, томъ самомъ, который былъ нѣкогда на императорѣ Александрѣ I и который подаренъ былъ императоромъ ему, герцогу, на память. Императоръ былъ высокаго роста и пропорціонально тучный; герцогъ-же былъ замѣчательно малъ ростомъ и худой какъ щепка. Онъ оставилъ мундиръ непередѣланнымъ по своей фигурѣ и можно себѣ представить, какъ этотъ нарядъ сидѣлъ на немъ; онъ въ немъ вы-

глядѣлъ какъ мальчишъ, сынъ бѣдныхъ родителей, который донашиваетъ отцовскій сюртукъ. Фалды мундира были до того длинны, что, волочась по полу, представляли нѣчто въ родѣ шлейфа. Притомъ же онъ былъ въ бѣломъ галстукѣ. Въ ожиданіи выхода государя, Уеллингтонъ объяснилъ великому князю Михаилу Павловичу происхожденіе мундира. Михаилъ Павловичъ замѣтилъ ему, что бѣлый галстукъ не идетъ къ формѣ и предлагалъ тутъ-же замѣнить его чернымъ, который для этого и былъ уже вытребованъ отъ царскаго камердинера; но герцогъ не согласился и сказалъ: „laissons le blanc, c'est plus propre“.

Каждое утро знаменитый гость долго прогуливался по Адмиралтейскому бульвару, въ узкомъ, длинномъ черномъ плащѣ безъ рукавовъ, герметически застегнутомъ, и въ круглой шляпѣ. Несмотря на такое инкогнито, петербургская публика узнавала его; въ этихъ прогулкахъ сопровождала лорда толпа любопытныхъ, онъ же не обращалъ на нее вниманія.

Для солдатъ, мѣнявшихся у него въ караулѣ, герцогъ велѣлъ на свой счетъ прибавлять къ ихъ обѣду супъ, по жареному рябчику или тетеркѣ и по бутылкѣ французскаго вина на человѣка; для офицера былъ особый обѣдъ. Солдатамъ, сверхъ того, выдавалось по рублю ассигнаціями.

Уеллингтонъ имѣлъ не малую дозу чувства собственнаго достоинства, спѣси, если хотите. Но надо замѣтить, что это чувство у англичанъ существенно различно отъ того тщеславія, той смѣшной заносчивости, которою, напримѣръ, всегда отличались французы. У англичанъ совсѣмъ иное; у нихъ это чувство натуральное, безсознательное, въ немъ нѣтъ ничего напускнаго. Это не самоличная, а коллективная, народная гордость, сознаніе достоинства своей „Old England,“ въ родѣ того, что сознавалъ древній римлянинъ, когда на чужой сторонѣ произносилъ: „civis romanus sum“.

Желѣзный дюкъ былъ такой „civis britannicus“ по преимуществу; онъ не стѣснялся никакими формами, смягчающими рѣзкость суждений, высказывалъ то что мыслилъ, безъ всякихъ ораторскихъ оговорокъ.

Однажды императоръ Николай, въ честь знаменитаго гостя, устроилъ въ манежѣ большой разводъ, гдѣ парадировали отдѣлы Преображенскаго и другихъ полковъ. Государь самъ изволилъ командовать. Послѣ маршей, контрмаршей и дефилады, государь спросилъ Уеллингтона, какъ онъ, командовавшій въ столькихъ побѣдоносныхъ сраженіяхъ, находитъ ученіе и выправку его войскъ? Лордъ отвѣчалъ:

— „Да, В. В., мнѣ случалось совершить счастливо нѣсколько кампаній; но что до технической части ученій и эволюцій, въ этомъ,

признаюсь, я плохой знатокъ; это всегда было дѣломъ моихъ подчиненныхъ“.

Лѣтъ чрезъ 15 или болѣе послѣ бытности герцога въ Петербургѣ, одинъ изъ членовъ Августѣйшей русской фамліи былъ въ Лондонѣ. Тамъ, въ честь его, торговою англо-россійскою компаніей данъ былъ большой обѣдъ, на которомъ, въ числѣ министровъ, былъ и лордъ-герцогъ. Послѣ тоста въ честь августѣйшаго гостя, президентъ обѣда предложилъ тостъ за здравіе „присутствующаго здѣсь фельдмаршала россійской арміи“ и указалъ на Уеллингтона. Тотъ отвѣчалъ:

— „Благодарю почтеннаго президента: онъ мнѣ напомнилъ, что имѣю честь носить это высокое званіе; оно мнѣ было пожаловано императоромъ Александромъ въ самый день Ватерлооскаго сраженія. Другіе монархи послѣдовали его примѣру, и я состою фельдмаршаломъ армій всѣхъ союзныхъ державъ. Я съ глубокою признательностью припоминаю благосклонность, которую всегда оказывалъ мнѣ покойный государь. И отъ нынѣ царствующаго всероссійскаго императора я получилъ доказательства благорасположенія, какихъ угодно ему было меня удостоить, и которыя я призналъ умѣстнымъ принять“.

Лордъ Уеллингтонъ оставался въ Петербургѣ довольно долго, нѣсколько недѣль, и былъ постоянно предметомъ привѣтливости со стороны высочайшихъ особъ, уваженія и сочувствія со стороны столичной публики, видѣвшей въ немъ сподвижника Александра I-го.

Теперь, съ высоты воспоминаній о подвигахъ и доблестяхъ великаго полководца, сдѣлаемъ *salto mortale* на скромный уровень обыденной практической жизни. Не всѣмъ, быть можетъ, извѣстно, что имъ-же совершена благодѣтельная реформа въ существенной части мужскаго туалета. Знаменитому герцогу мы обязаны фасономъ необходимыхъ, которые теперь носимъ,—эманципаціей отъ прежней неудобной формы, когда сапоги надѣвались поверхъ узкихъ панталонъ. Около 1815 года лордъ Уеллингтонъ, отступая на этотъ разъ отъ своихъ консерваторскихъ принциповъ, первый надѣлъ значительно расширенные панталоны сверхъ сапогъ и отъ его примѣра пошла всеобщая мода. Въ первые годы по нововведеніи, теперешніе брюки назывались даже уеллингтонами. Онъ также создалъ моду длинныхъ плащей безъ рукавовъ, называемыхъ воротниками (*cols*).

II.

Генералъ Гальбергъ.

Не одна Англія производитъ оригиналовъ: вотъ бѣглый очеркъ одного изъ нихъ, оставшагося въ моихъ петербургскихъ воспоминаніяхъ.

Баварскій генераль Гальбергъ, дѣятельно, во время оно, участвовалъ въ коалиціонной войнѣ, положившей конецъ завоеваніямъ Наполеона. Онъ даже получилъ отъ императора Александра I орденъ св. Анны 2-й ст. съ брилліантами, за особое отличіе. Въ 40-хъ годахъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и я въ первые же дни съ нимъ познакомился, и, какъ казалось, понравился ему; мы видывались каждый день; онъ былъ уже не молодъ, а я тогда еще не старъ.

Гальбергъ носилъ бороду и своеобразный костюмъ чернаго сукна, всегда герметически застегнутый. Это было нѣчто въ родѣ польской чамарки 1862—1863 годовъ, на ней множество разнокалиберныхъ орденовъ всѣхъ происхожденій, а между ними сквозъ длинную, но рѣдкую бороду, эффектно просвѣчивала огромная „Анна“ стараго формата. Въ такомъ видѣ онъ представлялся государю. Николай Павловичъ, облакшавши маститаго сподвижника коалиціи, спросилъ его, зачѣмъ онъ носитъ бороду?

— „Затѣмъ, В. В., чтобы не бриться“, былъ отвѣтъ.

У него были два конька, двѣ маніи: страсть къ вояжамъ и страсть къ орденамъ, даже, быть можетъ, послѣдняя была двигателемъ первой. Такъ, напримѣръ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Алжира, направляясь чрезъ сѣверную столицу въ Персію, въ Тегеранъ. Я замѣтилъ, что главною цѣлю этого неблизкаго путешествія было то, чтобы получить отъ шаха орденъ Льва и Солнца. Онъ достигъ цѣли и, по возвращеніи изъ Тегерана, звѣзда этого ордена красовалась на его чамарѣ.

За исключеніемъ смѣшныхъ сторонъ, Гальбергъ былъ человѣкъ замѣчательно умный и я очень любилъ бесѣдовать съ нимъ; онъ такъ много путешествовалъ и такъ много наблюдалъ, что былъ неисчерпаемъ въ занимательныхъ разсказахъ. Все это было приправлено тонкими замѣчаніями въ ультра-либеральномъ духѣ, неподдѣльнымъ юморомъ и всегда оригинальнымъ взглядомъ.

Семейства моего тогда не было въ Петербургѣ и, оставшись одинъ въ домѣ, я не заводилъ у себя кухни. Въ то время на углу Вознесенскаго проспекта и Адмиралтейской площади извѣстный швейцарецъ Брангеръ (котораго всѣ называли Беранже) основалъ общій столъ, гдѣ за полтора рубля былъ очень порядочный обѣдъ, на который обыкновенно собиралось болѣе ста человѣкъ гостей. Я почти каждый день обѣдалъ тамъ съ Гальбергомъ; для насъ всегда заложены были два стула рядомъ. Мой старикъ за столомъ говорилъ во всеуслышаніе, не стѣсняясь нисколько, и его юмористическія выходки оживляли бесѣду и забавляли всѣхъ. Разъ, къ концу обѣда, я ему сказалъ: „Сегодня во французскомъ театрѣ дадутъ пьесу Виктора Гюго; я имѣю

уже билетъ; вѣроятно и вы, генераль, захотите видѣть „la Comédienne de Venise“, такъ поѣдемъ отсюда вмѣстѣ.“ Я не ожидалъ строгаго выговора, который получилъ за мое предложеніе.

— „За кого вы меня принимаете? сказалъ сердито мой чудакъ,—хотите чтобы я, въ мои лѣта, пошелъ смотрѣть людей, которые представляютъ изъ себя какихъ-то вымышленныхъ лицъ, которые говорятъ, чего не думаютъ и не чувствуютъ, и еще за это плати имъ деньги! Мнѣ и дѣйствительность надоѣла, то стану-ли я сидѣть три часа на одномъ мѣстѣ, чтобы видѣть представленіе, и часто неудачное, мнимой дѣйствительности? Нѣтъ, слуга покорный, предоставляю это вамъ, молодымъ людямъ. Вы же сами, помните, опредѣлили истинное значеніе комическихъ спектаклей. Вы говорили: въ прежнія времена цари и вельможи держали для своей забавы домашнихъ шутовъ. Это учрежденіе дорого стоило. Въ наше время ассоціацій, оно усовершенствовалось. Забавники составили изъ себя цѣлыя группы или труппы, и теперь смѣшать уже не одну, а тысячи личностей, за очень умѣренную плату“.

Трудно было отвѣчать на такіе аргументы, да мнѣ не хотѣлось спорить, хотя старикъ ошибался, думая, что побилъ меня собственнымъ моимъ оружіемъ. Онъ вѣрно воспроизвелъ сказанное однажды мною, но не прибавилъ, что слова мои относились отнюдь не ко всѣмъ драматическимъ представленіямъ, не къ хорошей комедіи, а только къ пошлomu гаерству французскихъ Folies-Vaudevilles, Rochades, Parodies, и т. п.

За кофе, Гальбергъ мнѣ сказалъ:

— „Сегодня, вашимъ предложеніемъ ѣхать смотрѣть живыхъ куколъ, вы мнѣ помѣшали прочитать кому слѣдуетъ одинъ урокъ. Приходите завтра обѣдать, будете свидѣтелемъ маленькой экзекуціи“.

— Что такое, кого думаете казнить? спросилъ я.

— „А вотъ что: съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Петербургѣ, я замѣтилъ, что за мною слѣдятъ два мушара. Какая роскошь довольно было-бы одного для неудачной попытки поймать стараго воробья на мякинѣ. Они неотступны отъ меня, какъ тѣни, я встрѣчаю ихъ повсюду, даже въ церкви. За обѣдомъ, здѣсь, они садятся напротивъ меня и хотя не представлялись мнѣ для знакомства, безпрестанно обращаются ко мнѣ съ рѣчами, болѣе или менѣе вызывающими. Сначала это меня забавляло, но уже наскучило, и я хочу покончить съ ними“.

Я сказалъ, что онъ, можетъ быть, ошибается, что наши застольные визави, кажется, порядочные люди.

— „Ахъ, какіе вы, — возразилъ генераль; вѣдь всѣ шулера и

шпіоны — люди пріятные и имѣють формы порядочныхъ, иначе нѣтъ, ни другіе никого бы не поймали. А вотъ увидите, какъ на нихъ подѣйствуетъ то, что имѣю сказать. Примѣчайте хорошенько, но не думайте, что я ошибаюсь, въ этомъ у меня большой навѣкъ, не даромъ я, какъ вѣчный жидъ, скитаюсь 20 лѣтъ по всему свѣту“.

На другой день эти господа были на своемъ посту, напротивъ насъ. Тотчасъ послѣ супу, мой неугомонный другъ спросилъ лафиту и, наливши мнѣ рюмку, обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью, говоря такъ громко, чтобы весь табль-д'отъ его слышалъ:

— „Я перебивалъ во всѣхъ европейскихъ столицахъ и въ нѣкоторыхъ по нѣсколько разъ; вездѣ, съ начала моего пребыванія, я, какъ новопріѣхавшій неизвѣстный туристъ, былъ предметомъ наблюденія со стороны тайной полиціи: это въ порядкѣ вещей. Но вездѣ она была настолько умна, что вскорѣ затѣмъ оставляла меня въ покоѣ, смекнувъ, что со мною трудъ ея былъ бы непроизводителенъ. Только въ Петербургѣ эти господа не теряютъ надежды, что охота за мною можетъ повести къ какому нибудь результату. Два сыщика, съ самаго моего приѣзда, неотступно, по очереди, слѣдятъ за мною, навязываются съ своимъ знакомствомъ, надоедаютъ вызывающими разговорами. Не знаю, всѣ-ли они здѣсь такіе, но что до моихъ субъектовъ, то мало сказать объ нихъ, что они неискusstны,—они положительно глупы. Если они получаютъ сколько нибудь изъ fonds secrets, то получаютъ даромъ; еслиже состоятъ еще только кандидатами, на испытаніи, то мнѣ ихъ жалъ: люди молодые, на томъ поприщѣ, на которомъ упражняются, они далеко не пойдутъ. Лучше бы избрали себѣ другое ремесло, напримѣръ, сапожное или колбасное: въ немъ, быть можетъ, сдѣлали бы блестящую карьеру. Сначала они меня забавляли своею трогательною наивною, но наконецъ надоѣли и я покорнѣйше просилъ бы ихъ отстать отъ меня“.

Во время этой настоящей, какъ Гальбергъ ее назвалъ, экзекуціи, наши визави въ самомъ дѣлѣ страшно конфузились, тѣмъ болѣе, что, замѣтя это, всѣ сотрапезники обратили на нихъ взоры, улыбались и перешептывались. Они же мѣнялись въ лицѣ и потѣли тѣмъ обильнѣе, что іюльскій день былъ очень жаркій. Генералъ былъ правъ. Я въ послѣдствіи узналъ положительно, что это были фискалы. Не знаю, воспользовались-ли они совѣтомъ о выборѣ другаго ремесла, но рѣчь генерала произвела свое дѣйствіе въ томъ отношеніи, что они отстали отъ него.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ посѣщенія Петербурга, Гальбергъ, жившій въ своемъ помѣстьи гдѣ-то въ Баваріи, напечаталъ въ разныхъ газетахъ оригинальный вызовъ. Ему понадобилась чтица для

нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ книгъ и газетъ. Чтица, не старѣе 35-ти лѣтъ, должна была быть незамужняя, обладать пріятнымъ органомъ голоса и пріятною наружностью, не кривая, не косая, не хромая и не горбатая, разговорчивая, но не сплетница. Съ своей стороны, генералъ обѣщаетъ вѣжливое и почтительное обхожденіе, двѣ комнаты въ домѣ для квартиры, прекрасный столъ, 600 гульденовъ жалованья и подарки, если будетъ доволенъ. Не знаю, нашелъ ли Гальбергъ особу, соединяющую всѣ эти условія: одно изъ нихъ—воздержаніе отъ сплетничества—показалось мнѣ довольно тяжелымъ.

III.

Живописецъ Орловскій.

Умершій въ 1830 г. въ Петербургѣ, весьма популярный въ то время живописецъ Александръ Орловскій, былъ уроженецъ Царства Польскаго; онъ началъ свое поприще съ военной службы въ рядахъ французской арміи, въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ¹⁾, во время первыхъ кампаній Наполеона. Я познакомился съ нимъ въ 20-хъ годахъ въ Петербургѣ, когда онъ былъ уже академикомъ (членомъ академіи художествъ) и придворнымъ живописцемъ великаго князя цесаревича Константина Павловича, почему и занималъ прекрасную квартиру въ Мраморномъ дворцѣ. Должность его состояла въ исполненіи требованій августѣйшаго патрона, заказывавшаго ему разные рисунки и картины по предметамъ, относившимся до образованія и преобразованій обмундировки русской арміи и до современныхъ событій, въ которыхъ она со славою участвовала. Отъ такихъ занятій оставалось художнику много свободнаго времени и онъ употреблялъ его на работы по любимому имъ преимущественно жанру, въ которомъ прославился: это народныя сцены русскихъ солдатъ и простолюдиновъ, гдѣ главную роль играютъ крестьянскія, ямскія, казацкія, черкесскія лошади. Въ этомъ жанрѣ Орловскій достигъ возможнаго совершенства. Литографированные его рисунки всѣмъ извѣстны, но это незначительная часть его произведеній: несравненно бѣльшая, нераспубликованная, находится въ частныхъ рукахъ: таковы, изъ извѣстныхъ мнѣ, цѣлая коллекція покойныхъ статсъ-секретаря Карнѣева, Гескета, Жельветра. Бывая у знакомыхъ и друзей, гдѣ всегда были приготовлены для этого разноцвѣтные карандаши, чернила и перья, Орловскій, всякій разъ, почерпнувъ сюжетъ изъ разгово-

¹⁾ Это обстоятельство имѣло вліяніе на развитіе его таланта и объясняетъ его пристрастіе къ сценамъ, гдѣ лошадь играетъ главную роль. О. П.

ровъ о новостяхъ дня, или изъ завязавшихся дружескихъ словопреній, импровизовалъ относящійся къ нимъ рисунокъ, изображая чаще всего комическую сторону происшествія или спора, съ юмористическою надписью, объясняющею смыслъ картинки, и, такимъ образомъ, составлялись эти коллекции. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ рѣчь зашла о польскихъ фамиліяхъ и гербахъ и вспомнили объ одномъ изъ моихъ предковъ, который прожилъ сто слишкомъ лѣтъ и былъ женатъ три раза. Орловскій схватилъ перо и, всматриваясь въ мою физиономію, нарисовалъ чернилами воображаемый имъ идеаль престо-рѣлаго воина, въ панцырѣ, съ страшными усами, старческое лицо котораго имѣло далекое сходство съ моимъ. Тутъ же помѣстилъ онъ и гербъ нашъ „Гляубичъ“. Я тщательно храню эту фантазію знаменитаго художника. Орловскій очень дорожилъ своимъ гербомъ, называемымъ „Орля“; онъ представляетъ въ красномъ полѣ чернаго орла съ отсѣченною головой; вмѣсто ея, въ нѣкоторомъ возвышеніи надъ шею, звѣзда. Какъ символъ своей фамиліи и герба, онъ всегда держалъ у себя въ квартирѣ живаго царскаго орла (*Falco Chryzaëtos*, Lin. *Aquila imperialis*, Tem.); для него вмѣсто клѣтки отведена была цѣлая длинная галлерей.

Въ произведеніяхъ „быстраго“, какъ его называлъ Пушкинъ, карандаша Орловскаго, знатоки и даже незнатоки оцѣняютъ преимущественно одно отличительное, неподражаемое достоинство: въ изображеніяхъ лошадей схвачено имъ движеніе; такъ и видишь, что лошадь идетъ, везетъ съ напряженіемъ тяжело нагруженный возъ, скачетъ въ почтовой тройкѣ, вихремъ несется въ джигитовѣ. Всѣмъ рисующимъ извѣстны условія, требуемыя для представленія такихъ положеній лошади, но никто, какъ Орловскій, не осуществлялъ ихъ съ такою живою правдой.

Онъ вполне отдавалъ себѣ справедливость и его самолюбіе, при сознаніи громаднаго таланта, было довольно на этомъ пунктѣ щекотливо. Вотъ примѣръ. Онъ рѣдко работалъ въ серьезномъ родѣ, но однажды предпринялъ большую картину: переходъ черезъ Альпы російскихъ войскъ, подъ командою Суворова, въ италіянскую кампанію. Онъ предполагалъ поднести эту картину императору Николаю, черезъ начальника главнаго штаба (потомъ министра императорскаго двора), князя Петра Волконскаго. Орловскій работалъ нѣсколько мѣсяцевъ сопъ атоге надъ тщательною отдѣлкою своего произведенія, а по его окончаніи и самъ художникъ и всѣ видѣвшіе его „Переходъ черезъ Альпы“ признавали его заслуживающимъ занять одно изъ почетныхъ мѣстъ въ царской галлерей. И что же, когда князь Волконскій

сталъ разсматривать картину, то въ обмундировкѣ солдатъ того времени, къ которому относилось изображеніе, замѣтилъ важный недостатокъ: на мундирахъ было одной пуговицей болѣе, чѣмъ тогдашнюю форму было узаконено. Онъ отказалъ въ поднесеніи картины государю и еще сдѣлалъ строгій выговоръ художнику. Послѣдній взялъ ножъ и изрѣзалъ прекрасное произведеніе, стоившее ему немалого труда.

Орловскій былъ высокаго роста, плотнаго, атлетическаго сложенія, обладалъ необыкновенною мускулярной силой, хвасталъ и щеголялъ этимъ, однакожь умеръ не старымъ, имѣя лѣтъ около 50. Онъ имѣлъ особенное пристрастіе къ азіатскимъ костюмамъ; живши лѣтомъ на дачѣ, постоянно одѣвался черкесомъ. Одно изъ серьезныхъ его произведеній есть литографированный собственный его, очень похожій портретъ. И на немъ онъ изобразилъ себя въ буркѣ и какой то татарской или черкесской шапкѣ.

Орловскій былъ женатъ два раза. Въ первомъ изъ этихъ фазисовъ его брачной жизни случился съ нимъ необыкновенный, почти невѣроятный казусъ.

Первая его жена была красавица англичанка. Молодые супруги обожали другъ друга, но для полнаго ихъ счастья не доставало дѣтей. Прошло нѣсколько лѣтъ и страстные ихъ желанія не исполнялись; это особенно огорчало мужа. Вдругъ, въ концѣ четвертаго года супружества, жена сообщаетъ мужу радостную вѣсть, что онъ вскорѣ сдѣлается отцомъ. Орловскій въ восхищеніи. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ принимаются всевозможныя мѣры, чтобы уберечь Орловскую отъ несчастныхъ случайностей; беременность развивается правильно, врачъ Петербургскаго почтамта, докторъ Шибель, и одна изъ лучшихъ акушеровъ посѣщаютъ каждый день будущую мать и всячески берегутъ ее. Наконецъ, въ узаконенный природою срокъ, когда отлучавшійся по дѣлу Орловскій возвратился домой, жена, съ гордостью молодой матери, показываетъ ему, родившагося чрезвычайно счастливо въ его отсутствіе, прекраснаго, здороваго мальчика. Восторгамъ родителей конца не было. Мать хотѣла сама кормить свое дитя, но докторъ рѣшительно запретилъ и привелъ выбранную имъ кормилицу. Мальчикъ положилъ счастливое начало: въ слѣдующій годъ явилась дѣвочка, а за нею, въ надлежащій срокъ, еще мальчикъ, и такъ семейство Орловскаго состояло изъ жены и троихъ дѣтей. Отецъ принужденъ былъ часто отлучаться изъ дому по дѣламъ своей профессіи, и всѣ дѣти родились въ такое время, когда его не было дома; ни разу не удалось ему быть при родахъ жены. Это его немного огорчало, но онъ утѣшался тѣмъ, что всегда заставлялъ родильницу въ

наилучшемъ состояніи здоровья, за что щедро награждалъ доктора и акушерку. Докторъ не позволялъ Орловской кормить и для каждаго ребенка всякій разъ нанимаема была кормилица.

Такъ прошло болѣе трехъ лѣтъ; нашъ художникъ былъ счастливѣйшій изъ отцовъ семейства, какъ вдругъ разразился громъ. Горничная жены Орловскаго разсорилась съ госпожей и однажды, когда ея не было дома, пришла сказать хозяину, что всѣ трое малютокъ не его и не его жены дѣти: г-жа Орловская, не рожала ни разу, а дѣтей докторъ Шибель, по соглашенію съ акушеркой, поставлялъ изъ воспитательнаго дома. Этимъ объяснялось, почему всѣ они родились, когда мнимаго отца не было дома. Въ подтвержденіе своего показанія, горничная-предательница принесла цѣлую коллекцію кушаковъ съ ватными подушечками, представляющими постепенное развитіе мнимой беременности.

Можно себѣ вообразить грустное разочарованіе художника. Другой на его мѣстѣ, можетъ быть, простилъ бы бѣдную женщину за этотъ „обманъ въ пользу любви“, но Орловскій былъ очень вспыльчиваго характера и очень самолюбивый, — ему страшно стыдно было, что такъ легко дался въ обманъ. Онъ выгналъ жену и потомъ развелся съ ней, дѣтей возвратилъ въ воспитательный домъ, по его настоянію докторъ и акушерка отданы были подъ судъ и наказаны. Это въ свое время надѣлало много скандалу. По слѣдствію оказалось, что добрый Шибель все это сдѣлалъ совершенно безкорыстно, изъ дружбы къ Орловскимъ, по неотступнымъ просьбамъ жены, хотѣвшей упрочить за собою любовь мужа, видѣть его въ семейномъ быту вполне довольнымъ и счастливымъ.

Вторымъ бракомъ Орловскій женился на французенкѣ, вдовѣ Денебекъ, и отъ нея имѣлъ двоихъ, уже собственныхъ, дѣтей, сына и дочь. Въ 1830 году онъ умеръ. Оставленное имъ наслѣдство состояло изъ нѣкотораго количества дорогихъ вещей, болѣе или менѣе цѣнныхъ картинъ, собранія старинныхъ оружій и древнихъ рыцарскихъ доспѣховъ, а, главное, изъ многочисленной коллекціи древнихъ италіянскихъ фаянцовъ. Орловскій дорого цѣнилъ эту послѣднюю коллекцію, утверждая, что живопись на фаянцахъ есть первые опыты великаго Рафаэля. Денегъ осталось 10,000 руб., въ ломбардныхъ билетахъ. Я все это знаю потому, что вдова Орловская, по смерти мужа, заняла квартиру въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, по одной лѣстницѣ съ моей квартирой, и по той же лѣстницѣ жилъ назначенный, по волѣ покойнаго, душеприкащикомъ и опекуномъ надъ дѣтьми, мой и покойнаго пріятель г. Гаспаръ Жельветръ. Вдова

была женщина пожилая, больная, полуумная, почти слѣпая и не выходила изъ квартиры. Опекунъ дѣятельно занялся участіемъ и ея и дѣтей; благодаря ему, они получили хорошее воспитаніе. Онъ выгодно продалъ коллекціи и собралъ для наслѣдниковъ порядочный капиталецъ.

Кстати расскажу слѣдующій случай:

Въ числѣ вещей, оставшихся послѣ Орловскаго, были прекрасные брегетовскіе часы, заплаченные 2,000 франковъ. Орловская тщательно берегла ихъ. Вставши въ одно утро, она не нашла ихъ на обыкновенномъ мѣстѣ и нигдѣ въ квартирѣ: часы пропали. Вдова обратилась за помощію къ своему покровителю. Такъ какъ никто у ней не бывалъ, то никого нельзя было подозрѣвать, кромѣ кухарки, единственной прислуги въ домѣ. Жельветръ допрашивалъ ее, но она не признавалась, и онъ отдалъ ее въ полицію. Тамъ ее продержали два или три дня и потомъ отпустили по недостатку доказательствъ и по ея заперательству. Женщина эта, католичка, въ числѣ другихъ бѣдныхъ, покровительствуемыхъ приходскими священниками доминиканскаго монастыря въ Петербургѣ, была рекомендована извѣстнымъ своими добрыми дѣлами отцомъ Л.

Многіе католики вѣрятъ, что для отысканія всякой пропажи лучшимъ средствомъ есть молитва къ св. Антонію Падуанскому; Жельветръ увѣрялъ, что онъ много разъ испыталъ дѣйствительность этого средства. Онъ прибѣгнулъ къ нему и въ настоящемъ случаѣ, а между тѣмъ обратился къ отцу Л., прося допросить рекомендованную имъ женщину. Увѣщаемая священникомъ, она созналась въ кражѣ; на вопросъ же, куда дѣвались часы, отвѣчала, что ихъ отобралъ отъ ней частный приставъ и, оставивъ у себя, отпустилъ ее. Отецъ Л., по разнымъ, встрѣчавшимся съ его прихожанами дѣламъ, былъ извѣстенъ высшимъ петербургскимъ властямъ съ наилучшей стороны, пользовался ихъ довѣріемъ и уваженіемъ. Онъ отправился въ часть и безъ церемоній попросилъ возвратить украденную вещь. Приставъ сначала обидѣлся и отвѣчалъ свысока, но священникъ, не обращая на это вниманія, сказалъ, что если часы не будутъ тотчасъ отданы, то онъ поѣдетъ прямо къ военному генералъ-губернатору и расскажетъ о случаѣ. Поставленный въ такую дилемму, приставъ отозвался, что, быть можетъ, воровка, когда онъ ее допрашивалъ, засунула часы куда нибудь и просилъ дать ему время поискать въ квартирѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вынесъ изъ другой комнаты часы, увѣряя, что нашелъ ихъ подъ кипю бумагъ, куда они воровкой были спрятаны. Такимъ образомъ, Падуанскій чудотворецъ совершилъ новое и непослѣднее чудо, высвободивъ дорогую вещь изъ та-

кихъ „загребистыхъ лапъ,“ какими обладала петербургская полиція того времени ¹⁾).

Ломбардные билеты въ 10,000 р. Орловская всегда носила на груди въ кожаномъ мѣшечкѣ. Незадолго до своей кончины, она, изъ своей обширной квартиры въ 4-мъ этажѣ дома Жербина, отдала въ наймы комнату, со столомъ и чаемъ, какому-то г. Z., прибывшему изъ провинціи. Жельветръ былъ недоволенъ этой сдѣлкой, заключенною слабоумною женщиною. Жилецъ и нахлѣбникъ Орловской, по своей наружности и приемамъ, показался ему неблагонадежнымъ; но дѣлать было нечего. Вскорѣ старуха вполне довѣрилась жильцу; онъ дѣлалъ для нея покушки и завѣдывалъ хозяйствомъ. Въ одинъ вечеръ они вдвоемъ пили чай; кухарка слышала какъ о чемъ-то громко спорили. Вдругъ съ Орловской сдѣлался припадокъ, она лишилась чувствъ, ее уложили въ постель и дали знать Жельветру, а онъ позвалъ и меня. Послали за докторомъ; припадокъ былъ тѣмъ, что называютъ нервическимъ ударомъ, то есть холодною апоплексіей (*apoplexia frigida*, ар. *segora*). Врачъ дѣлалъ все, что въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, но не подавалъ никакой надежды. Призванный затѣмъ священникъ, тотъ самый отецъ Л., о которомъ было говорено, провелъ у больной всю ночь, но не могъ причастить ее: она не приходила въ сознаніе, только страшно хрипѣла и къ разсвѣту скончалась.

На груди покойной не оказалось мѣшечка съ ломбардными билетами, который ее никогда не покидалъ. Подозрѣніе, естественно, пало на Z. Онъ въ послѣдній вечеръ ея жизни оставался съ ней одинъ, и слышанный кухаркой споръ усиливалъ подозрѣніе. Спрошенный тутъ же—не знаетъ ли куда дѣвался мѣшокъ, Z. отозвался невѣдѣніемъ. По ходатайству Жельветра, назначено было слѣдствіе. Мы всѣ, присутствовавшіе при кончинѣ Орловской, давали подъ присягой показанія; кухарка въ своемъ добавила, что у Орловской, когда она садилась за чай, мѣшокъ былъ, по обыкновенію, на груди. Однакожъ, слѣдствіе, какъ и всѣ другія того времени слѣдствія, гдѣ дѣло было о деньгахъ, не довело ни до какого результата.

Изъ дѣтей Орловскаго — дочь вышла замужъ за царскосельскаго уѣзднаго судью Богушевскаго, сынъ служилъ въ пѣхотномъ Австрійскаго императора полку; о дальнѣйшей его карьерѣ ничего не знаю.

¹⁾ Прежнее состояніе этого учрежденія въ Петербургѣ всѣмъ хорошо извѣстно. Оно было обратилось въ поговницу и изобилуетъ курьезными анекдотами, къ которымъ я могъ бы прибавить не мало изъ собственнаго опыта, проживши въ столицѣ пятьдесятъ лѣтъ. Только въ послѣднія десять лѣтъ положеніе это совсѣмъ измѣнилось.

IV.

Юсифъ Олешкевичъ.

Олешкевичъ, портретный живописецъ, членъ академіи художествъ (академикъ), и въ артистическомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, составлялъ прямую противоположность съ своимъ современникомъ Орловскимъ. Онъ былъ сынъ бѣднаго дворянина Минской губерніи; на коштѣ гр. А. Ходкевича учился въ Виленскомъ университетѣ, затѣмъ въ Парижѣ и Римѣ.

Художественная его дѣятельность хотя и доставляла ему въ Петербургѣ средства къ жизни, но была наименѣ замѣчательною стороною его характеристики. Портреты его отличались совершеннымъ сходствомъ и онъ имѣлъ всегда множество заказовъ.

Не это было настоящее призваніе, существенный кругъ дѣятельности Олешкевича.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, франкъ-масонскій орденъ былъ очень распространенъ въ Россіи, особенно въ столицахъ. Въ Петербургѣ почти вся знать и всѣ принадлежавшіе къ такъ называемому обществу были посвящены въ масонство. Это была не только мода, но настоятельная потребность, какъ бы необходимый дипломъ для тѣхъ, которые претендовали на званіе порядочныхъ людей. Въ другомъ мѣстѣ я описалъ, какъ масонство усердно развивалось и какъ серьезно практиковалось, преимущественно въ Петербургѣ ¹⁾.

Олешкевичъ занималъ выдающееся, чтобы не сказать первое, мѣсто въ тамошнемъ масонствѣ. Когда я пріѣхалъ въ столицу, въ іюль 1822 года, то засталъ его уже начальникомъ (*Maitre en chaire*) ложи Бѣлаго орла. Онъ это званіе наслѣдовалъ послѣ сенатора графа Адама Ржевускаго. Но этимъ не ограничивалось вліяніе скромнаго художника. Онъ имѣлъ самую высшую степень въ орденѣ и всѣ петербургскія ложи признавали его ложу первенствующею въ ихъ группѣ, ибо необходимо знать, что, не смотря на общія всѣмъ главнымъ основы учрежденія, характеръ и относительное достоинство каждой ложи зависѣли во многихъ отношеніяхъ отъ направленія, какое дѣйствіямъ ея давалъ начальникъ. Когда Юсифъ Павловичъ посѣщалъ другія ложи, то его тамъ принимали съ особенною торжественностью и почестями (семи звѣздъ и желѣзнаго крова). Если въ другихъ ложахъ встрѣчался не-

¹⁾ См. мои «Воспоминанія», «Русская Старина» 1874 года, томъ XI, стр. 466 и слѣд.

доумѣнія на счетъ примѣненія законовъ ордена или вопросы по подробностямъ ритуала (обрядовъ), то отправлялась депутація къ Олешкевичу и его рѣшенія принимались за окончательныя.

Такой авторитетъ, такая власть въ дѣлѣ, живо интересовавшемъ первенствующее населеніе столицы, сосредоточенная въ его личности, создала для скромнаго труженика высокое положеніе. Не говоря уже о среднихъ классахъ, петербургская знать, почти вся состоявшая изъ адептовъ, искала его дружбы. Отношенія къ нему лицъ, даже высокопоставленныхъ, были такія, какъ учениковъ къ наставнику-другу. Кромѣ того, его почти энциклопедическая ученость, а главное, рѣдкія качества души, рѣдкія христіанскія добродѣтели, особенно смиреніе, не допускавшее въ немъ и тѣни гордости отъ такихъ успѣховъ, пріобрѣтали для него любовь и уваженіе у всѣхъ знавшихъ его.

Олешкевичъ, по истинѣ, былъ очень замѣчательная личность. Его благотворительность не слушалась никакого расчета; онъ всегда былъ безъ гроша, раздавая все бѣднымъ, вѣчно осаждавшимъ его квартиру (въ домѣ бывшемъ Кавелина, на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспектовъ). Жилъ Олешкевичъ одинъ; вся его прислуга состояла изъ старухи кухарки. Весь городъ зналъ эту Ѳеклу, она вѣчно ворчала, а въ кулинарномъ искусствѣ была ниже посредственности. Но для ея барина это было не существенно, онъ не ѣлъ ничего мяснаго, съ Ѳеклой же не разставался болѣе потому, что она любила кошекъ и хорошо за ними ухаживала.

Кошки—были страстью Олешкевича. Штатныхъ было у него двѣнадцать и не мало сверхштатныхъ; ему подкидывали новорожденныхъ котятъ, онъ ихъ принималъ и воспитывалъ. Когда же пріемыши достигали положеннаго возраста, то раздавалъ ихъ по будкамъ, которыя въ то время составляли въ Петербургѣ полицейскіе посты. Будочникамъ Олешкевичъ давалъ приданаго: за кошку 10, за кота 5 рублей, потомъ обходилъ эти посты самъ, или посылалъ Ѳеклу навѣдываться о житьѣ-бытьѣ своихъ питомцевъ. Такимъ образомъ завелась у будочниковъ мода имѣть кошекъ; жители Петербурга замѣчали ихъ почти у каждой алебарды, но мало кому было извѣстно происхожденіе этого обычая. Изъ кадровыхъ, каждая кошка имѣла имя и отчество какой-нибудь дамы или мужчины изъ близкихъ друзей хозяина; поэтому знакомые художника дорожили этой честью.

Олешкевичъ былъ глубокой мистикъ и согласно съ этимъ давалъ направленіе своей ложѣ. Въ его время въ Петербургѣ мистицизмъ былъ въ большомъ ходу. Всѣ нѣмецкія и французскія сочиненія въ этомъ духѣ были прекрасно переведены на русскій языкъ, главнѣйше извѣстнымъ Лабзинымъ, подписывавшимся буквами У. М. (ученикъ му-

дрости). Петербургскій мистическій кружокъ, какъ и группы „Свободныхъ каменщиковъ“, съ покорностью признавалъ превосходство Олешкевича, который въ своихъ изысканіяхъ далеко превзошелъ и туземныхъ и иностранныхъ адептовъ. Его доктрина имѣла нѣчто общее съ ученіемъ Сенъ-Мартена, но она была его собственная. Онъ пошелъ гораздо далѣе французскаго иллюмината, особенно въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, напримѣръ, въ теоріяхъ о призваніи человѣка-духа (*l'homme-esprit*), о значеніи страданій (*des pàtiments*), и другихъ. Я не могу яснѣе говорить объ этомъ предметѣ, скажу однакожъ, что изъ его теорій происходили у Олешкевича и воздержаніе отъ мясной пищи, и страстіе къ кошкамъ, и строго соблюдаемое браминовское правило (впрочемъ, не на метемпсихозѣ основанное) не убивать никакой жизни. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ имѣлъ странныя убѣжденія. Доказывалъ, что если не мучить и не убивать животныхъ, то и они не станутъ причинять никакого вреда человѣку. На этомъ основаніи утверждалъ, что клопы и блохи, которые во множествѣ у него водились, не кусаютъ его, потому что онъ ихъ не истребляетъ. Говорилъ также, что въ Турпін, гдѣ не охотятся на волковъ, они не трогаютъ ни овецъ и никакихъ другихъ домашнихъ животныхъ... (?).

Еще никто не думалъ учреждать обществъ покровительства животныхъ, а уже Олешкевичъ и словомъ и дѣломъ распространялъ основныя правила этихъ ассоціацій. Когда ѣхалъ на извозикѣ, то не позволялъ гнать шибко, не давалъ стегать лошадь. Въ этихъ случаяхъ, во всю дорогу мужичку-ванькѣ онъ читалъ проповѣди о томъ, какъ онъ долженъ беречь свою лошадь и ласково съ ней обращаться. „Вѣдь она кормитъ тебя,—говорилъ,—а ты ее бьешь; она идетъ такимъ шагомъ, какъ ей слѣдуетъ идти, а ты заставляешь ее бѣжать и запыхаться,—зачѣмъ? Не хорошо, братъ, не хорошо. Вѣдь и лошадь Божье созданіе и Богъ не на то даетъ намъ животныхъ, чтобы мы ихъ мучили“. Такъ иногда до слезъ растрогивалъ русскаго мужика или чухонца изъ окрестностей Петербурга. Извозники, стоявшіе близъ его квартиры, всѣ уже были имъ нашколены, и никто изъ нихъ, когда возилъ его, не смѣлъ употреблять кнута.

Олешкевичъ мало писалъ; я знаю только одно его сочиненіе на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „*l'Automne du monde de l'humanité*“ (Осень человѣчества), гдѣ онъ доказывалъ, что времена приходятъ къ концу, что человѣчество прожило весну и лѣто, что наступила для него осень, а вслѣдъ за ней ждетъ насъ послѣдній уже, зимній сезонъ. Для него мы, если не хотимъ погибнуть, должны заготовлять топливо и, по примѣру нѣкоторыхъ предусмотрительныхъ животныхъ, запасы провизій. Все это, разумѣется, въ иносказательномъ

смыслѣ. Онъ потому мало писалъ, что не довѣрялъ дѣйствительности писаннаго, а вѣрилъ только въ силу живаго слова, и даръ этотъ постоянно употреблялъ въ дѣло. Съ нимъ не было другаго разговора, какъ только о важныхъ вопросахъ религіи и морали. Онъ выѣзжалъ каждый вечеръ, бывалъ въ самыхъ разнообразныхъ обществахъ и вездѣ, ничѣмъ не стѣсняясь, высказывалъ свои мысли, свои глубокія теоріи, но умѣлъ придавать имъ такія популярныя формы, что онѣ были для всѣхъ понятны и на столько занимательны, что даже легкомысленныя свѣтскія женщины слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ, можно сказать—съ наслажденіемъ. Въ домахъ знати и среднихъ и даже низшихъ классовъ, онъ былъ самымъ пріятнымъ гостемъ, не смотря на то, что тотчасъ, какъ бы по признанному праву, овладѣвалъ бесѣдой и весь вечеръ почти одинъ говорилъ. Рѣчи его, подкрѣпляемыя живыми примѣрами и анекдотами, были такъ убѣдительны, что никто не покушался спорить или возражать на нихъ.

Многіе молодые люди, слышавшіе его, вылечились отъ своего безвѣрія, которое было въ то время господствующей модой. Я познакомилъ съ Олешкевичемъ Мицкевича и великій поэтъ, побесѣдовавъ съ новымъ пріателемъ, излечился также—не отъ безвѣрія, а отъ религіознаго индифферентизма, которымъ страдалъ. Въ парижскихъ изданіяхъ его произведеній есть прекрасное стихотвореніе въ честь Олешкевича.

Его любовь къ ближнему, милосердіе и доброта доходили иногда до эксцентричности почти невѣроятной; извѣстны были, напримѣръ, слѣдующіе случаи. Онъ имѣлъ часы Нортона, очень дорогіе, а для него неоцѣнимые, потому что были подарены на память лучшимъ его другомъ, тогдашнимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ графомъ Милорадовичемъ. Часы эти лежали всегда на столѣ, гдѣ было много книгъ и эскизовъ. Когда по утрамъ Олешкевичъ работалъ, окончательно отдѣлывая портреты, къ нему приходили бесѣдовать знакомые. Разъ былъ только одинъ молодой человѣкъ дурнаго поведенія, сынъ одного изъ пріятелей художника. Послѣдній работалъ; они разговаривали. Молодой собесѣдникъ сидѣлъ у стола и игралъ съ часами, потомъ, не долго думая, положилъ ихъ себѣ, какъ ему казалось, незамѣтно въ карманъ, простился и ушелъ. Олешкевичъ, видѣвшій все, только глубоко вздохнулъ, но не остановилъ воришку. Однакожъ Фекла, выпустивъ гостя, пришла посмотреть который часъ, не найдя часовъ, догадалась и, когда вслѣдъ за этимъ четверо насъ, близкихъ знакомыхъ, пришли навѣстить Олешкевича, она, по секрету отъ барина, рассказала намъ о случившемся. Тотчасъ двое, не входя въ комнаты, отправились на квартиру къ молодому К. и застали его дома; онъ не успѣлъ еще продать украденое. Пострадавъ его порядкомъ и обѣ-

щавъ тайну, они отобрали часы и принесли ихъ собственнику, чему онъ очень обрадовался. Когда мы выговаривали ему непростительную снисходительность къ мошеннику, онъ сказалъ: „Эхъ, господа, не будьте такъ строги, какъ знать, не былъ ли онъ вынужденъ крайностью?“

Другой случай еще болѣе характеристиченъ. Олешкевичъ пилъ кофе въ одной кондитерской на Гороховой. Въ комнатѣ не было никого. Туда же входитъ незнакомый, обращается къ Олешкевичу и проситъ размѣнять 25-ти рублевую ассигнацію, которой однакожъ не показываетъ. Олешкевичъ достаетъ мелкія ассигнаціи и начинаетъ считать, какъ вдругъ незнакомый выхватываетъ у него изъ рукъ пятирублевую бумажку и убѣгаетъ. Нашъ филантропъ за нимъ; догнавъ дерзкаго мошенника и остановивъ трепещущаго отъ страха, такъ какъ это было у самой будки, говоритъ: „М. г., вы конечно рѣшились на вашъ поступокъ изъ послѣдней крайности, вамъ деньги необходимо нужны; такъ возьмите еще вотъ эти десять рублей; на этотъ разъ не могу дать болѣе“. Эту невѣроятную сцену видѣлъ и слышалъ въ открытое окно близъ-лежащаго дома одинъ нашъ общій знакомый. Когда мы упрекали Олешкевича, что онъ такимъ образомъ поощряетъ негодяевъ, то опять слышали его любимое: „не судите, да не будете судимы“, а потомъ онъ прибавилъ: „вы полагаете, что я поощряю дурныхъ людей,—ошибаетесь. Я увѣренъ, что то, какъ я обошелся и съ К. и съ незнакомымъ, лучше послужитъ къ ихъ исправленію, чѣмъ подѣйствовалъ бы позоръ и наказаніе“. И въ самомъ дѣлѣ, не былъ ли онъ правъ въ этомъ?

Закрытіе въ августѣ 1822 года масонскихъ ложъ сильно огорчило Олешкевича. Предводимая имъ ложа была той ареной, гдѣ онъ пространно развивалъ свои особенныя ученія, мало, или даже ничего не имѣвшія общаго съ масонствомъ, и обращалъ на пользу братій громадный запасъ своихъ свѣдѣній и плодовъ своихъ размышленій. Въ кружкахъ, въ которые тогда собирались масоны, чтобы поговорить и посѣтовать о прошедшемъ, понятно, что Іосифъ Ивановичъ былъ главнымъ лицомъ. Впрочемъ эти собранія никогда не принимали характера или даже формы запрещенныхъ ложъ.

И по масонству, и по тѣмъ наукамъ, которымъ я страстно предавался ¹⁾, я коротко сблизился съ Іосифомъ Ивановичемъ и былъ его частымъ собесѣдникомъ.

Разъ я его встрѣтилъ, въ числѣ гуляющихъ, на Невскомъ проспектѣ. „Куда идешь?“ онъ спросилъ. „Куда люди идутъ, и я туда

¹⁾ Смотри «Русскую Старину» 1874 года, томъ XI, стр. 475.

плетусь“. — „Напрасно, — сказалъ Олешкевичъ, — такъ шаги твои будутъ потеряны. Если хочешь узнать людей, то иди прямо противъ нихъ“. Эта фраза, сказанная мимоходомъ, застряла у меня въ памяти. Олешкевичъ ничего не говорилъ на вѣтеръ.

Иосифъ Ивановичъ имѣлъ иногда дивныя предчувствія будущихъ событій. Такъ, за нѣсколько дней до катастрофы, онъ предсказалъ извѣстное наводненіе 7-го ноября 1824 года. Не помню по какому случаю онъ говорилъ: „Нева прекрасная рѣка, но ей довѣрять слишкомъ не надо; если она скоро не замерзнетъ, то надѣлаетъ бѣды“. Въ день наводненія, всѣ слышавшіе эти слова — припомнили ихъ. За нѣсколько дней до 14-го декабря 1825 года, на одномъ вечерѣ, гдѣ и я былъ, онъ, задумавшись, какъ бы въ забытіи сказалъ: „Въ Петербургѣ чувствуется плетора (избытокъ крови).... да, да плетора; будетъ упущено крови немного, но и этого будетъ довольно; больной выздоровѣетъ“. Этихъ словъ никто не понималъ, только событія 14-го числа объяснили ихъ.

Разъ, одинъ только разъ, Олешкевичъ вышелъ изъ своего характера снисходительной кротости; это было по слѣдующему случаю. Праздничные балаганы для народныхъ спектаклей въ масляницу и пасху, строящіеся теперь на Царицыномъ лугу, строились въ 20-хъ годахъ на площади Большаго театра. Проходя мимо ихъ, Олешкевичъ въ одномъ изъ балагановъ услышалъ странные, но слишкомъ его сердцу близкіе голоса. Какой-то пріѣзжій итальянецъ завелъ у себя хоръ изъ кошекъ. Штукъ двадцать или болѣе этихъ животныхъ, съ подобранными по діапазону голосами, составляли нѣчто въ родѣ фортепьяно: хвосты четвероногихъ музыкантовъ подложены были подъ клавиши, а въ нихъ вдѣланы булавки. Когда маэстро игралъ на этихъ клавишахъ, то кошки, уколотыя, издавали одна за другой жалобное міау и изъ этихъ звуковъ составлялся нѣкоторый гармоническій ансамбль. Олешкевичъ, съ ужасомъ выслушавъ концертъ, поспѣшилъ къ графу Милорадовичу съ жалобою на такое варварство и кошачій импрессарио въ тотъ же день былъ выгнанъ изъ столицы, а его труппа выпущена на свободу.

Олешкевичъ былъ женатъ, но жена не жила съ нимъ, хотя супруги были очень между собою дружны. Олешкевичева осталась въ домѣ одной знатной дамы, у которой была компаніонкой; это было условлено при заключеніи брака. Иосифъ Ивановичъ говорилъ мнѣ, что онъ женился только для того, чтобы изъ невольницы, какою есть каждая дѣвица, сдѣлать свободную женщину. Другой цѣли бракъ этотъ не имѣлъ, мужъ и жена остались друзьями и только друзьями. У него былъ его кисти портретъ жены; она не была красива.

Въ половинѣ 1830 г. Олешкевичъ, имѣя болѣе 50-ти лѣтъ, тяжко заболѣлъ. Это былъ припадокъ подагры, но она усложнилась другою опасною болѣзною, кажется, воспаленіемъ печени. Доктора сразу потеряли надежду спасти жизнь, но онъ хворалъ безъ малаго мѣсяцъ. Такъ какъ, лежа безъ движенія, онъ требовалъ постоянно за собой ухода, для чего одной Ѳеклы было недостаточно, то мы, восемь чловѣкъ ближайшихъ пріятелей больного, учредили изъ себя дневное и ночное при немъ дежурство, чередуясь по двое въ опредѣленные часы.

Тутъ мы только узнали какую сочувственною популярностію, какою любовью пользовался Олешкевичъ у петербургской публики всѣхъ сословій, особенно высшаго. Въ теченіе дня и вечера двери не запирались; почти вся знать перебивалась у его скромной постели за перегородкой. Число посѣтителей болѣе чѣмъ на половину составляли элегантныя дамы и дѣвицы, привозившія больному фрукты, варенья, сиропы, конфекты. Онѣ просиживали по цѣлымъ часамъ, ухаживая за нимъ какъ бы сестры милосердія и, зная его слабость, превозмогали свое отвращеніе при видѣ оберегаемыхъ имъ тварей изъ разряда *sarabisi*, сотнями безбоязненно разгуливавшихъ по перегородкѣ и которыхъ никто не смѣлъ потревожить. Другія группы посѣтителей чередовались на черной лѣстницѣ: это были бѣдные, призрѣваемые Олешкевичемъ; они съ безокойствомъ навѣдывались у Ѳеклы о положеніи дорогаго больного.

Іосифъ Ивановичъ хорошо зналъ это положеніе и съ спокойствіемъ чистой совѣсти ждалъ всеобщаго „конца всякой плоти“ (*finis universae carnis*). Съ приближеніемъ этого конца, его ясный умъ, казалось, еще болѣе проявлялся. Не смотря на страданія, онъ много говорилъ и рѣчи его были въ высшей степени назидательны. Исполнивъ всѣ требованія религіи, онъ тихо скончался въ мое дежурство. До послѣдней минуты оставался въ полномъ сознаніи; красивое, умное его лицо сохранило и по смерти выраженіе доброты, которой отличалась вся жизнь.

Предъ самой смертію онъ распорядился всѣмъ оставляемымъ: картинамъ и вещи раздарилъ разнымъ лицамъ, деньги (ихъ было немного), раздѣлилъ на двѣ половины, одну самъ вручилъ своей Ѳеклѣ, другую назначилъ для Коломенскихъ бѣдныхъ, по веденному имъ списку. Кошекъ распредѣлилъ поимянно между пріятелей. Мнѣ, какъ тоже любителю, досталась его бурая фаворитка, Юлія Осиповна. Она дожила у меня до глубокой старости и вдругъ пропала; вѣрно, какъ кошки обыкновенно дѣлаютъ, пошла умирать куда-нибудь подалеже отъ дома. Животныя эти были очень привязаны къ своему хозяину, поняли, что его не стало, и наполнили домъ жалобными воплями.

Похороны Олешкевича представляли необыкновенное зрѣлище. За угбогимъ чернымъ гробомъ, который несли на Смоленское кладбище, чередуясь, друзья покойнаго, а въ ихъ числѣ многіе эсъ-масоны, тянулась нескончаемая вереница всякихъ экипажей; наиболѣе было пышныхъ, принадлежащихъ знатымъ господамъ и дамамъ, а тѣ и другія большую часть дороги шли пѣшкомъ. Пѣшеходовъ было такъ много, что, при переходѣ на ту сторону Невы, они занимали почти весь бывшій Исаакіевскій мостъ. Но самую трогательную часть печальнаго кортежа составляла толпа нищихъ, горько оплакивавшихъ своего благодѣтеля и друга. Кто зналъ покойнаго, могъ безъ грѣшной увѣренности позволить себѣ думать, что слезами этими орошается прямой его путь къ вѣчному блаженству.

О. А. Пржецлавскій.